

ИСТОЧНИКИ

КАБАРДИНСКОЕ ПРЕДАНИЕ О «КАБАНСКОМ КНЯЗЕ» И ПРОИСХОЖДЕНИИ ШОЛОХСКОЙ ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ

Д.В. СОКАЕВА, Г.В. ЧОЧИЕВ

Публикуемый ниже текст был записан в октябре 2012 г. в городе Анкаре на турецком языке со слов Ибрагима Абазэ, этнического кабардинца, родившегося и прожившего большую часть своей жизни в Турции и несколько лет назад репатриировавшегося на историческую родину – в Кабардино-Балкарию. В свою очередь ему, исследователю истории черкесского коневодства, предание стало известно от двух независимых информантов, один из которых постоянно проживал в Турции, а другой – в Кабардино-Балкарской Республике. Очевидно, что в Анатолию данный фольклорный материал был привезен, как и сама лошадь, которой он посвящен, кабардинскими переселенцами-мухаджирами в конце 50-х – 60-х гг. XIX в.

Предание излагает крымскую («морскую») версию возникновения одной из самых знаменитых и высокоценных разновидностей кабардинских верховых лошадей – шолохских скакунов, обозначая при этом наличие

осетинского «следа» в их происхождении.

Кроме того, в тексте характеризуются некоторые нюансы взаимоотношений кабардинской и осетинской знати и в целом двух народов в эпоху после падения средневековой Алании и установления гегемонии феодальной Кабарды в центральнокавказском регионе. Так, рассказчиком своеобразным образом объясняется причина выплаты некоторыми осетинскими обществами дани кабардинским князьям.

Интерес представляет личность центрального персонажа предания – «кабанского князя», осетина высокого социального статуса. На наш взгляд, относительно этой фигуры допустимы по крайней мере два предположения. В частности, речь может идти о владельце Кобанского ущелья Северной Осетии либо о представителе баделиатского* рода Кабановых. Поскольку в турецком оригинале рассказа мы имеем *Kaban*

* Баделиаты – феодальное сословие в Дигории.

beyi, букв. «князь Кабана», где «Кабан» – несомненный топоним, но не антропоним (в последнем случае было бы *Kaban bey*, букв. «князь Кабан»), то более вероятной представляется первая версия. Впрочем, возможно, данный военно-феодалный лидер имел отношение к какому-то другому, ныне не существующему поселению или роду Осетии.

Отметим также, что по сюжету рассматриваемый текст, содержащий распространенный на Северном Кавказе мотив угона лошадей, приближается к

осетинским фольклорным циклам преданий, легенд и героических песен о Мзорты Мзоре и Куцыкты Куцыке (см.: [1, 35-41]).

В заключение своего повествования Ибрагим Абазэ сообщает отдельные подробности о физических и функциональных особенностях шолохской породы лошадей и сведения об обстоятельствах ее исчезновения в XX в. как на Кавказе, так и в районах проживания черкесской диаспоры на территории Турции.

-
1. Сокаева Д.В. Указатель осетинских волшебных сказок. Владикавказ, 2004.

РАССКАЗ ИБРАГИМА АБАЗЭ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШОЛОХСКОЙ ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ

Дело происходит между 1590-ми и 1610-ми годами. В Турции я слышал про этот случай от Шовджена Али, на Кавказе же – от Кардагъурса Гъурамука. А также в результате моих собственных исследований. Джлахстанейский* пши** Татлостан Джлахстан жил в те годы, а когда в 1590-х годах он умер, его сын занял место пши. В то время осетины платили дань этому джлахстанейскому пши. Почему? Потому что, когда закрывался Дарьяльский перевал, осетины не могли переходить на эту сторону***. Отношения между осетинами и кабардинцами были поэтому хорошими, войн или борьбы не было, они очень хорошо ладили. Тем более если еще немного платить дань. Кабанский князь однажды приходит к Татлостану и говорит: «Я слышал, что на Крымском полуострове есть дикие лошади. Давай отправимся туда, пригоним их, продадим и выручим хорошие деньги». «У меня дела есть, – говорит пши, – ты поез-

* Джлахстаней (Глахстней) – адыгское название исторической Малой Кабарды.

** Пши – высшее аристократическое сословие в феодальной Кабарде.

*** Здесь рассказчиком допущена географическая неточность. Подавляющее большинство осетин, как известно, всегда проживало севернее Дарьяльского прохода и вообще Главного Кавказского хребта. Кабардинские же феодалы в описываемый период ограничивали выход жителей осетинских горных обществ на северокавказскую равнину, чем во многом и объяснялась вассально-данническая зависимость осетинской знати от высших сословий Кабарды.

жай, я дам тебе моих людей, давайте, пригоните». Они отправляются, но добираются до Крымского полуострова не с верхней стороны. Был тогда один кабардинец по имени Кандемиркан, сын пши. Но поскольку с материнской стороны он был татарин, его не сажали на место пши. Мол, ты полукровка. «Из-за того, что твоя мать не черкешенка, а татарка», – говорили. И когда он ездил к своим дядям с материнской стороны, то есть к крымскотатарским дядям, то в Керченском проливе есть узкое место длиной в четыре с половиной километра, где он пускал своего коня вплавь, а, повидавшись с дядями, так же возвращался. Так как черкесы на Кавказе знали его путь, кабанский князь тоже переправляется через это место. Они входят в лес, собирают табуны и пригоняют их на морской берег. Но поскольку уже вечер, они ждут утра. В полночь из моря выходит черный конь, жеребец, идет и спаривается там с огромной, на тех лошадях не похожей кобылой. Они говорят: «Очень хорошо. Этот конь, этот жеребец тоже пусть останется с нами». Но он уходит так же, как пришел. Прыгает в море и исчезает. Теперь, почему тот конь появляется? Он, зная, что эта кобылица в течке, чует ее запах, приплывает с другой стороны моря, спаривается и уходит. После зачатия он больше не вступает в связь, удаляется. У животных порядок таков. После этого, разумеется, и

кабанский князь, и те кушха*, и кабардинцы поражаются увиденному и возвращаются. Лошадей тоже пригоняют и помещают в загон. Сообщают кабардинскому пши: «Приходи, – говорят, – посмотри на лошадей, давай поделим их». «Нет, – говорит Татлостан Джлахстан, – я не приложил труда. Забирай их всех себе, и пусть будет тебе во благо». Но его люди, видимо, рассказали кабардинскому пши о том, что сделал тот жеребец. И он говорит: «Если даешь, возьму эту кобылицу». «Но у кобылицы ребра торчат, – говорит [кабанский князь], – она отошала, еле идет». Пши же говорит: «По ней видно, что в свое время она была хорошей лошастью. Если дашь, то возьму только эту». Так или иначе, он забирает эту кобылу, приставляет к ней одного из своих людей и велит ухаживать за ней день и ночь. Лошадь поправляется, толстеет и в положенный срок рождает красивого жеребенка мужского пола. Некоторые говорят, что этого жеребенка скрестили с арабской лошастью. Ухаживали за ним пять лет, а затем скрестили, говорят, и оттуда пошли шолохские лошади. Этот Шолох Татлостан Джлахстан дал свое имя той лошади. О ней распространяется такая слава, что когда ночью эта лошадь касается одним своим ухом другого, то между ее ушами на шерсти появляется огонь. То есть вроде того, как накаляется железо при ударе. Еще, когда она наступает на яйцо, то, поскольку на стопе у нее выемка, она не давит яйцо, и поэтому не нуждается в подковах. Кроме того, у нее ребра очень длинные, а грудь широкая. В бою она может грудью повалить

* Кушха (букв. «горец») – адыгское название осетин, до настоящего времени широко используемое адыгами диаспоры в речи как на родном, так и на турецком и арабском языках.

лошадь противника. Если в снежную метельную погоду заблудишься, отпусти удила, и она привезет тебя в ближайшее село, не собьется с пути. На длинных дистанциях в мире нет лучшей лошади... Вот такая у нее история. У этой лошади много достоинств. Я установил сто десять пород черкесских лошадей, но во время Первой мировой войны, кавказско-русских войн и Второй мировой войны почти все они пропали. Шолохской лошади больше нет. Здесь, в Турции, в провинции Кайсери, в окрестностях горы Эрджиес, были брошенные черкесами лошади. Возможно, среди них она есть. Табунные, одичавшие лошади. Они сами по себе пасутся, бродят, размножаются. Там есть одно казахское село, они их режут и едят. Переселившиеся в Турцию черкесы** привезли с Кавказа этих лошадей, разводили их, продавали турецкой, османской армии и зажиточно жили в течение девяноста лет. Но после того как турецкая армия была механизирована, она перестала закупать лошадей, да и черкесы перестали их разводить, места не было. Из Италии приехали торговцы, купили всех, загнали в вагоны и пустили в Италии на колбасу. К сожалению, так произошло. Эти красивые породы лошадей исчезли.

*Расшифровка видеозаписи
оригинального рассказа на турецком
языке*

Olay sene 1590'la 1610 yılları arasında gerçekleşiyor. Türkiye'de Şovcen Ali'den duydum. Kafkasya'da Karadağurs Ğuramuk'tan duydum bu olayı. Ve

** Рассказчик имеет в виду так называемое мухаджирство – массовые, преимущественно вынужденные миграции черкесов и других горцев в Османскую империю на заключительных стадиях Кавказской войны и после нее.

kendi arařtırmalarım neticesinde. Cilahistaney'in pşısı Tatlostan Cilahistan o yıllarda yařamıř, onun ođlu olan da, kendisi 1590'larda ölünce ođlu pşılık makamına oturuyor. O zamanda Asetinler bu Cilahistaney'in pşısına vergi veriyorlardı. Neden dersen, Daryal Bođazi'na kapattıđı zaman Asetinler bu tarafa geçemiyordu. Asetinler'le Kabardeyler'in arası o yönden iyiydi, bir savař yok, dövüř yok, gayet iyi bir řekilde geçiniyorlardı. Biraz da vergi verince. Bu Kaban beyi bir gün geliyor Tatlostan'a, «Gel, diyor, Kırım Yarımadası'nda vahři atlar olduđu duydum, gidelim, onları getirelim, satarız, iyi bir para ediniriz». «Benim iřim var, diyor, sen git, yanına da adamlarımdan veriyim, getirin, gelin», diyor. Bunlar gidiyorlar, Kırım Yarımadası'na öbür taraftan, üst taraftan gitmeyip de, bir Kabardey vardı, Kandemirkan diye, bir pşının ođlu, ama ana taraftan Tatar olduđu için pşı makamına oturtmuyorlardı, melezsın diye. «Anan Çerkes deđil, Tatar olduđu için» diyorlardı. O da dayılarına, Kırımlı Tatar dayılarına giderken Kerç Bođazi'nin dar bir yeri var bir buçuk kilometre mesafede, atını yüzüp, dayılarını görüp aynı yerden geri geliyordu. Kafkas'taki Çerkesler bunun yolunu bildikleri için Kaban beyi de aynı yoldan geçiyor, ormana giriyorlar, yılmaları çıkarıyorlar, denizin kenarına getiriyorlar. Fakat akřam olduđu için sabah olmasını bekliyorlar. Gece yarısı denizden siyah bir at çıkıyor, erkek at. Geliyor, orada dev, o atlara benzemeyen bir diři kısırađa ařılıyor. Tamam ola, bu at, erkek at, řey, aygır da kalsın aramızda. Fakat ayrılır, geldiđi gibi geri gidiyor, denize atlayıp kayboluyor. řimdi o atın gelmesi neden? O kısırađın, yani diři atın kızana geldiđini bildiđi için kokusunu alıyor, denizin öbür tarafından gelip, ařılayıp geri gidiyor. Evet. Ařı tutunca

da bir daha da temas etmiyor, ayrılır. Hayvanlarda öyledir adet. Ondan sonra tabii hem Kaban prensi, hem o Kuřhalar, hem Kabardeyler buna hayret ediyorlar ve geliyorlar, atlar da getiriyorlar. İçine soktular atları. Kabardey pşısına haber veriyorlar. «Gel de, diyorlar, atlara bak, bölüřelim». «Ya, diyor Tatlostan Cilahistan, ben bir zahmet etmedim, helal olsun, hepsi senin olsun» diyor. Fakat adamları o aygırın yaptıklarını anlatmıřlar tahminime göre Kabardey pşısına. «Verirsen, diyor, řu diři kısırađı alırım» diyor. Fakat diři kısırak kaburga kemik diyor, zayıf, fakat zamanında at olduđunu hissettiriyor, gösteriyor adı. Verirsen o, diyor, bařka istemem, diyor. Her ne ise de o atı alıyor, kısırađı, adamlarından yanına koyuyor, gece gündüz buna iyi bakacaksın diyorlar. Atın zamanı doluyor, at iyi oluyor, semiriyor, güzel bir erkek tay doğuruyor. Bu erkek tayı kimisi Arap atına çiftleřtiđini söylüyorlar, beř yařına kadar bakıyorlar, ondan çiftleřtiđini diyorlar, ondan türediđini řoloh atının. O řoloh Tatlostan Cilahistan kendi ismini veriyor o ata. Öyle bir meřhur oluyor ki, o at kulakları birbirine deđdirip gece, ateř çıkarıyor kulakları için tüylerinde. Yani demire vurduđu zaman ateř řavkır ya, onun gibi. Ondan sonra, yumurtaya bastıđı zaman, burası çukur olduđu için ayađın altı, yumurtayı ezmiyor, nal istemiyor. Ondan sonra, kaburga kemikleri fazla uzun, göđsü geniř, savařa gittiđi zaman göđsle karřısındaki atı yıkan bir at. řeyde, karlı tipi havalarda yolunu kaybettiđi zaman atın gemini bırak, en yakın köye seni götürür. Kaybolmaz yani. Uzun mesafelerde dünyada üzerinde bir at daha yok... Bu atın özellikleri çok. Fakat Birinci Dünya Savařı, Kafkas-Rus Savařları, İkinci Dünya Savařı, bu yüzon çeřit at tespit ettim ben Çerkes atı olarak, bunların hemen tamamı kayboldu.

Bir kere Şoloh atı kalmadı. Burada Türkiye’de, Kayseri, Erciyes Dağı’nın etrafında Çerkeslerin bıraktıkları atlar vardı. Belki onların içinde olabilir, yıldı atı, vahşileşmişler, kendi kendilerine otluyorlar, öyle dolaşıyorlar, çoğalıyorlar. Bir Kazak köyü var, onlar kesip, öldürüp yiyorlar. Ondan sonra bu Türkiye’ye gelen Çerkesler de Kafkasya’dan o atlardan getirdiler, beslediler, büyüttüler, Türk ordusuna, Osmanlı ordusuna satarak çok güzel bir yaşam sürdürdüler

doksan sene zarfında. Ondan sonra mekanize olunca Türk ordusu, at almaz oldu, Çerkesler de at beslemez oldu, alan yok. İtalya’dan tüccarlar geldi, hepsini aldılar, vagonları doldurup İtalya’da salam yaptılar. Maalesef böyle oldu. O güzelim at cinsleri kayboldu.

*Д.В. Сокаева (запись текста),
Г.В. Чочиев (пер. с турецкого языка,
комментарии)*